

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 947

© Цеханская К.В.
Tsehanskaya K.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЦЕРКОВНЫЙ КАНОН: СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИО-ДУХОВНЫЕ МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ

MODERNIZATION AND CANONS OF THE CHURCH: CONTEMPORARY SOCIAL-SPIRITUAL MODEL RELIGIOUS IDENTITY OF THE ORTHODOX

Аннотация. В статье показано, что модернизация церковной жизни неизбежно приведет к необратимым изменениям в традиционном православном самосознании русского этноса. Уже сегодня мы видим плоды модернизационных явлений в Церкви в идее равнодушного согласия людей на уничтожение и замену традиционной культуры.

Annotation. The paper shows that the modernization of the church life will inevitably lead to irreversible changes in the traditional Orthodox identity of the Russian ethnos. Already, we see the fruits of modernization effects in the Church in the idea of consent of the people indifferent to the destruction and replacement of the traditional culture.

Ключевые слова. Модернизация, церковный канон, социо-духовная модель, религиозная идентичность, православие.

Key words. Modernization, church canon, socio-spiritual model, religious identity, Orthodoxy.

Россия, активно вступившая в начале XXI в. на путь рыночных реформ, сегодня оказалась перед лицом трудноразрешимых социальных и мировоззренческих проблем, которые представляют реальную опасность самим основам жизнеустройства отечественного социума. После крушения Советского Союза и демонтажа имперской идеи наша страна впервые за многие столетия превращается из мирового лидера в заурядного участника глобального исторического процесса. Поэтому, желая вернуть прежний геополитический статус государства в современном мировом экономическом пространстве, российская властная элита справедливо провозгласила курс на модернизацию страны с учетом мобилизационного потенциала всего народа. Но в действительности основными приоритетами инновационной стратегии государства стали не общенациональные интересы, а крупные военно-промышленные, высокотехнологические и сырьевые

бизнес-проекты, которые отражают исключительно коммерческие интересы властных структур, тесно связанных с российской бизнес-элитой. Очевидно, что подобная модель экономической модернизации, ориентированной на сверхдоходные коммерческие бизнес-проекты, должна все более и более приводить Россию к стандартам западного рыночного общества. Такова основная, можно сказать, фундаментальная цель сегодняшней инновационной политики страны, где руководящий бизнес-класс уже почти превратился в конкурирующий субъект транснациональных коммерческих отношений.

Но мы все более ясно видим и другую, скрытую, как бы теневую сторону модернизации, четко направленную на «перекодировку» традиционного менталитета народов России, когда в самосознание граждан неустанно и методично внедряются социо-этические установки, основанные на либеральных ценностях католико-

Цеханская Кира Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, тел. (495)543-36-76.

Tsehanskaya Kira – doctor of historical sciences, senior research fellow, Institute of ethnology and anthropology of RAS, tel. (495) 543-36-76.

протестантского мира. Подобная «перекодировка», ломающая традиционные архетипы российских этносов, со всей неизбежностью должна завершиться кардинальной реконструкцией самобытных систем жизнеустройства страны. Одним словом, для новой, модернизирующейся на западный «манер» России нужно выпестовать новый народ, способный стать носителем либерально-прагматического сознания, полностью очищенного от самобытных традиций религиозно-общинной психологии. Именно по этой причине современная Россия пребывает в напряженном, внутренне-противоречивом социо-духовном состоянии. С одной стороны, идет сложный процесс этнорелигиозной самоидентификации народов России на основе возрождения традиционных религий. С другой стороны, этим процессам грубо противоречит новая социальная мораль молодого российского капитализма, требующая замены религиозно-нравственных заповедей на этику неограниченного индивидуализма и свободы человека. Именно для того, чтобы привести к единому знаменателю новый экономический порядок и легитимизирующий его стандарт ценностей, народы страны и подвергаются модернизационным изменениям традиционного этнопсихотипа, который пока еще остается тормозом этносоциального распада российского общества. Попытки насильственной модернизации традиционного самосознания граждан страны протекают в образовательном, масс-медийном, вербально-знаковом пространстве культурного поля России. Отметим, что именно здесь полновластно орудует главный инструмент воздействия на сознание и подсознание личности – технологии постмодерна, действующий под формальным прикрытием массовой культуры.

С особой тревогой отметим – идея модернизационных перемен все более проникает в сферу церковной традиции и религиозного менталитета самого многочисленного в стране русского этноса. В невидимом царстве русской духовности сегодня сталкиваются жесткие прагматические идеалы бизнес-модернизации с православно-общинным менталитетом русских, солидарно-ориентированных на нестяжательство, справедливость, соборную мечту о спасении каждой человеческой души. В этом метафизическом конфликте идей пока побеждает внешне более агрессивная и могущественная сила, реформирующая современную историческую реальность. Ее победа состоит в том, что из социокультурных приоритетов страны все более исключаются понятия национального идеала общественного бытия с его евангельскими категориями жертвенной любви к Богу и ближнему. Патриарх Кирилл справедливо от-

метил: «Наш общий долг как христиан и соотечественников состоит в том, чтобы стремиться к такому общественному устройству, при котором не было бы нищих, голодных, скитальцев и обездоленных» [1]. Эти слова Святейшего звучат как стратегическая задача на будущее. В наши дни мы видим иную реальность. Мы являемся свидетелями того, как формируется новая социо-духовная модель идентификации православных этносов, то есть та божественная матрица, по которой в душах людей должна запечатлеваться единственная, неделимая и вечная религиозная истина. На сегодняшний день из этой модели-матрицы настойчиво, решительно, посредством искажений и этических подмен изымаются идеалы аскетизма, целомудрия, милосердия и самое главное, - исключается соборно-сострадательный аспект, составляющий драгоценное ядро русского православия. Идея вселенской, жертвенной раскрытости огромного народа, его жажда мессианского попечения о всем богосотворенном мироздании сегодня сменяется призывом: «Каждый спасается сам, по возможности спасая и ближнего». Наверное, подобная перемена закономерна и справедлива. Нет великой империи – нет и вселенских задач, зато проясняются пути собственного спасения. Очевидно, ни Русская православная церковь, ни православная общественность не могут одобрять имманентно чуждые христианству ценности либеральной рыночной экономики. Но одновременно никто не может призывать народ к восстановлению России в форме солидарной общины-семьи, где есть место всем сирым, убогим, голодным и бездомным, так как это будет напоминать призыв к смене государственного строя. Поэтому все, что может сделать церковь для верующих – молитвенно и милосердно показать пути и средства индивидуального спасения людей. Безусловно, это вечный и великий путь, доступный для каждой ищущей Бога души. Но при современном социоэкономическом укладе страны проповедь личного спасения и смирения перед тяготами жизни усиливает метафизическое одиночество людей, доходящее до настоящего одичания. Оставленные без привычного патерналистического внимания государства миллионы простых русских людей вынуждены тихо и смиренно уходить в иное бытие по несколько сотен тысяч в год [2].

Отметим, что помимо демографических потерь, Россия столкнулась с еще одним катастрофическим явлением: все нарастающим воспроизводством бедных с одновременным формированием у них стойкой субкультуры бедности [3]. Происходит люмпенизация населения, когда у огромной части российского социума просто чисто исчезает чувство самосохранения, а также нрав-

ственные преграды и принципы. И в этих условиях физической и моральной деградации самых незащищенных слоев народа, «малых сил», даже церковь – единственное убежище бедняка – не дает и не может по разным причинам дать ответ на вопрос: как сопрягать распад традиционного жизнеустройства и культуры с верностью религиозной традиции, а тем более, самому Богу?

На фоне перечисленных выше социоэтнических проблем современной российской действительности самые тревожные ожидания вызывают модернизационные тенденции внутри церковного сообщества и самой церкви, которые связаны с изменением канона. В число подобных тенденций входят:

1. Повсеместное распространение антиканонических форм изображения святых Русской православной церкви в виде круглой пластики. Назовем эти новоявленные образы православными монументами.

2. Появление «облегченных» миссионерских акций со стороны части священства, замутняющих и искажающих вероучительный канон церкви.

3. Усиление внутрицерковного обновленческого движения за перевод богослужебных книг с церковнославянского на модернизационный церковнославянский и просто литературный язык.

4. И наконец, самое опасное, что только может произойти в церкви – обсуждение «возможности» и «целесообразности» модернизации Божественной литургии.

Очевидно, указанные тенденции связаны друг с другом установкой на реформаторскую модернизацию догматических и обрядовых канонов Русской православной церкви. Их можно смело назвать явлениями церковного «постмодерна», который представляет собой дерзкое духовно-интеллектуальное игнорирование церковного предания. Церковные модернисты становятся соучастниками современных процессов этнорелигиозной идентификации православных, особенно велико их влияние на новоначальных верующих – неопитов. Вторгаясь в традиционные пути оцерковления людей, постмодернистская идеология формирует не просто ложный взгляд на веру, но кощунственно упрощает ее до комфортного в пользовании «духовного продукта».

Рассмотрим более подробно сущность перечисленных выше тенденционных постмодернистских явлений в современной религиозной жизни России. Итак, скульптурные памятники Богу и святым. Не только сам визуальный образ подобных «православных скульптур», но даже их звучание: памятник Святой Троице, памятник Спасителю, памятник Ангелу-хранителю и пр. вносят деструктивные начала в религиозное мышление веру-

ющих. Прямое и единственное назначение скульптурных памятников – увековечивание людей или исторических событий прошлого, то есть того, что уже было на земле и никогда больше не будет. Поэтому памятник происходит от слова память, от человеческой способности к воспроизводству и удержанию прошлого опыта. Как же в этом случае быть со Святой Троицей? (Памятник стоит в парке г. Ярославля). Ведь Троица – безначален и преносущен. И нет никакой нужды вспоминать Его так же, как мы вспоминаем героев войны 1812 г. или выдающихся деятелей русской и мировой науки и культуры.

Или может быть, кто-то дерзает видеть в каменных изваяниях Бога и святых подобие иконописного образа? Но так ли это? Православный монумент – традиционное каноническое искусство церкви или все же сомнительное нововведение? К сожалению, сегодня российская православная общественность чрезвычайно увлечена постановкой памятников святым. Ландшафт русских городов и монастырей пополнился целой чередой православных монументов. Назовем некоторые из них. Это памятники: Серафиму Саровскому, Сергию Радонежскому, Макарию Калязинскому, Митрофанию Воронежскому, Нилу Столобенскому, Елизавете Федоровне, Николаю II, Дмитрию Углическому, апостолам Петру и Павлу, упоминаемым выше – Святой Троице в Ярославле, Иисусу Христу в Вознесенске, Ангелу в Москве и даже непрославленным деятелям церкви – Сергию (Страгородскому) и Иоанну (Снычеву). Рассмотрим эстетически-образную специфику этих скульптур с точки зрения иконографического канона. Но прежде отметим – в русской художественной традиции круглая скульптура как таковая с самого начала сложилась исключительно в виде светской, мирской части изобразительного искусства. Начиная с петровского и вплоть до нашего времени, скульптурный памятник всегда был связан лишь с гражданской жизнью общества, с его политической историей, с его победами и героями. Через образы русской пластики, стремившейся к *живо-подобному реализму*, всегда выражался нравственный, гражданский, общественно-значимый идеал времени.

Сегодня внутри этой завершенной в своих эстетических задачах системе делается попытка создания нового вида религиозного искусства церкви. Образно говоря, в плоть скульптуры как утилитарной образно-пластической системы со своим специфическим назначением и целями, экстраполируются символы дальнего мира, уже выраженные в законченной и совершенной полноте православного иконописного канона. Здесь можно возразить и указать на примеры бытования в допетровской Руси деревянных скульптур. Но дошедшие до

нас резные изображения Иисуса Христа в темнице, Николая Чудотворца, Нила Столобенского, Георгия Победоносца и Параскевы Пятницы – все они носят следы предельного уподобления иконе, что выражается в условности, плоскостности пластического языка, в локальной красочности, в попытке сведения всех художественных средств к иконописному символу. По сравнению с иконой деревянные образы не получили достаточного распространения в церковной практике, так как в общеправославном сознании они воспринимались как нарушение канона.

Современные «православные монументы» со всей очевидностью таят в себе духовную опасность. Все они носят исключительно живоподобный характер, что является нарушением церковного учения о символической сущности образа, который нашел свое конгениальное воплощение в православной иконе. Икона – единственный в мире феномен, мистически соответствующий идеалу первообраза. Зримый, плотский, объемный натурализм современных скульптурных образов святых уничтожает метафизику самой веры, которая сводится к уровню житейских представлений человека. Иллюзия живоподобия образа нетерпима ни в иконе, ни в духовной жизни, ни в молитве. Такая иллюзия материальной вещественности плоти, ее «дебелости» именуется прелестью, то есть ложью, она является не просто помехой для подлинно духовных состояний, но противоположна таким состояниям. Каменная, гранитная, мраморная, бронзовая, деревянная и пр. скульптура святых – инородный элемент православной церковности, так как она оторвана от символического канона церкви, от ее предания, от всего соборного исторического наследия православной церкви. Представьте, как бы Отцы VII Вселенского собора, на котором было утверждено иконописный канон, отреагировали на реалистически выполненную статую какого-нибудь святого, изображенного в момент творения Иисусовой молитвы...

Новая традиция возведения памятников-монументов святым и священнослужителям повлекла за собой также новую традицию почитания – традицию поклонения скульптурному образу. Так, приближаясь к воротам Троице-Сергиевой лавры, паломники кланяются каменному изваянию преподобного Сергия и уже после этого направляются к его животворящим мощам. То же происходит и в Нило-Столобенской пустыне, где на территории обители стоит монумент преподобному Нилу, а в Богоявленском соборе почитают его святые мощи. Народное благочестие допускает поклонение любому символу или образу православия, выраженных в привыч-

ных традиционных формах. Верующие кланяются виду православного креста, поклоняются канонизированным церковью образам святых, даже если эти образы изваяны и лишены каких-либо признаков канонической символики. Осеняя себя крестным знаменем около памятника молящегося Серафима Саровского или возле скульптуры Нила Столобенского, целуя их постаменты, верующие, безусловно, проявляют самые искренние чувства к своим любимым подвижникам, героям веры. Но при всем этом невидимо и трагически-бесповоротно утрачивается истинно спасительная мистика иконы, этого единственного «законного» проводника к горнему миру.

Можно сказать, что появление скульптурных образов святых представляет собой расширение, а, следовательно, модернизацию, «улучшение» канонических установлений церкви, что опасно и просто безблагодатно. В избытке поставляемые в городах, весях, близ или внутри монастырских оград православные монументы, вероятнее всего, становятся знаками единения церковной общности края, области или губернии с властными структурами, выступающими инициаторами установления скульптур святых. То есть эти памятники выполняют некую примирительную функцию социальной солидаризации простых людей, чиновников, олигархов, церковных деятелей, как бы объединенных одной верой, одними ценностями. Появился даже случай, когда открытие памятника святому – конкретнее: священномученику Серафиму, епископу Дмитровскому в г. Дмитрове – трактовалось как символ примирения двух веков русской истории боготорческого и нынешнего, возрождающего православную веру [4].

В действительности, молиться на эти монументы нельзя, так как по канонам церкви православные должны признавать истинно спасительной и достойной поклонения только икону. Не думаем, чтобы Сергей Радонежский или Серафим Саровский, а уж тем более, патриарх Гермоген, чьи каменные образы уже стоят на русской земле, благословили бы подобный вид церковного искусства и формы почитания святых. Точно так же мы сомневаемся и в том, чтобы эти благодатные, духоносные мужи Русской православной церкви стали бы благословлять наше сегодняшнее историческое и духовно-нравственное состояние. Умолчим о том, как соотносится со Святой Троицей ярославский памятник в честь нее, как трактовать евхаристическую чашу в этой скульптурной композиции, в которую люди бросают деньги, конфеты и пр. К какому виду почитания можно отнести человеческие рукопожатия ангелам Ветхозаветной Троицы, отполированные их руки до того же блеска, что нос собаки в скульп-

птурной группе «Пограничник» на станции московского метро «Площадь революции». Очевидно, что православные монументы с изображением Бога и святых являются вольной или невольной профанацией одной из главных святынь православия – иконописного символа и канона. Это пример того, что человеческое дерзко входит в божественное. Святой, духом пребывающий в горнем мире, в скульптурном виде сводится к жироподобной иллюзии, и верующий человек видит в таком образе как бы себя самого. Но если святой на памятнике во всем подобен людям, то в чем его святость, в чем выражение его духовной силы? Скульптура так же, как и религиозная живопись, не может быть по своей эстетической природе вмещением тех идей и тех символов, которые присущи только иконе. Учение церкви не может произвольно применяться в любом виде человеческого творчества. Существуют границы, за которыми утрачивается богодухновенный смысл веры. И в этом неоспоримом контексте религиозной истины «православные монументы» находятся за оградой церкви. Пришла пора задать вопрос: как подобная антиканоническая модернизация христианской символики может повлиять на процессы современной идентификации православных и особенно на становление веры новообращенных православных христиан? Ответ может быть только один: подобное «опрошение» символа, сведение его к узнаваемому объекту мирской культуры может заложить в личности такое же груботелесное «дебелое» понимание христианства, в котором не будет места подлинному откровению.

Такою же угрозой онтологической подмены несет новое явление церковной жизни – так называемые модернистские миссионерские акции. Исследователь Н. Каверин определил их термином «постмиссионерство». Суть этих акций, проводимых известными образованными молодыми священниками Московской патриархии такова: любыми средствами завлечь в церковь российскую молодежь. Причем завлечь обманым путем, не проповедью святости и аскетизма истинного бытия во Христе, а пропагандой облегченного варианта православной жизни – того, что получило сегодня наименование «гламурного православия» [5]. Подобная коварная проповедь намекает на возможность комфортной жизни в церкви, без самоограничений, без осознания своих грехов, без покаяния, без крестоношения. Носители «постмиссионерских» идей – в их число, например, входят оо. Охлобыстин и Кураев – действуют в нейтральной зоне между церковной и нецерковной средой. Поле их деятельности – проповедь на стадионе, на рок-концертах, на байк-шоу, то есть там, где концентрируется негативная, а порой и откровенно демониче-

ская энергетика молодежных субкультур. Желание встроиться в это «духовно невоспаянное» поле молодых, стать там не только своим, но и обрести статус авторитета-гуру, доводит постмиссионеров до прямого кощунства. Так, в своих проповедях-обращениях к молодежи диакон Андрей Кураев может допустить такой пассаж: «Ежели однажды я все-таки соглашусь стать священником, то это, понятно, будет студенческо-молодежный приход.» [5]!

Желание встроиться в мир и современность, заманить церковь духовную, неотмирную, Божественную на земное сообщество, где обыкновенному плотскому мудрованию будет все понятно, все доступно и комфортно, будет даже весело и радостно, где не будет ничего аскетического, сверхутомительного, каких-то намеков на смерть, мытарства, личный подвиг и вообще «напряга» в виде креста – это и есть постмиссионерство наших дней [5]. Исследователи современных форм обновленчества отмечают, что сегодня многие верующие со страхом ожидают церковных реформ. Такие опасения небезосновательны. Возможно, эти реформы начнутся со среднего звена – усилиями нового поколения священников, воспитанных в традициях либерализма. Становится все более очевидным, что целью реформ может стать не уния с Ватиканом, а «европравославие» с его секулярным приспособлением Божественного к человеческому. Для этого молодые пассионарные постмиссионеры будут пытаться формально вовлечь в лоно церкви как можно больше населения России, невоцерковленной молодежи и гламурной публики, чтобы в будущем никто не смог помешать создать новую церковь, соответствующую духу мира сего [5]. Вероятно, большое число молодежи, увлеченной «легким», «байкерским» православием, никогда не сможет по-настоящему ощутить свою этнокультурную принадлежность к православию. Но даже та часть молодых людей, которая уже успела воцерковиться и которую миновали соблазны постмиссионерской проповеди, сегодня вынуждена с тревогой следить или участвовать в процессах модернизации церковного Богослужения.

Ни для кого не секрет, что среди православной общественности и священнослужителей церкви идет нелицеприятный спор о «целесообразности» замены, полной или частичной, церковно-славянского языка богослужений на русский или модернизированный церковно-славянский. Одновременно с призывом к русификации служебного языка церкви, часть священников ставит вопрос об отмене некоторых «устаревших» канонических текстов ввиду их якобы малопонятности. В частности, речь идет об отмене Покаянного канона Андрея Критского, который традиционно читается в церкви Великим постом. В России

уже была попытка перевода канонических богослужебных текстов на модернизированный славянский. Это произошло в 1912 г., когда после пятилетнего труда был закончен перевод Постной Триоди под руководством митрополита Сергия (Страгородского), будущего патриарха. Перевод потерпел церковное «фиаско». Великим постом митрополит Сергий впервые прочел Великий канон на модернизированном церковно-славянском. Но после службы народ не стал расходиться и молча стоял. И когда будущий патриарх стал покидать храм, к нему подошли верующие и спросили: «Ваше Высокопреосвященство, а когда будут читать канон Андрея Критского»? Митрополит Сергий расстроился, но на второй день, во вторник первой седмицы Великого поста канон читал уже по старому тексту [6]...

Малейшие изменения церковного канона – это начало его уничтожения. Модернизация церковной жизни

ни неизбежно приведет к необратимым изменениям в традиционном православном самосознании русского этноса. Уже сегодня мы видим плоды модернизационных явлений в церкви в идее равнодушного согласия людей на уничтожение и замену традиционной культуры. Через масс-медийное пространство страны мы отчетливо видим, как российский социум все более впадает в духовный распад и деградацию изменение канонов церкви даст колоссальное ускорение этому духовному падению. И тогда останется один шаг к изменению Божественной литургии. Собственно, такой шаг уже сделан в лице авторитетного митрополита Русской церкви, который предложил кардинально изменить евхаристическое богослужение-канон, действующий в нашей церкви последнюю тысячу лет [7].

Литература

1. *Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Когда же придет Сын Человеческий // Православная беседа. – М., 2011. № 4. – С.5.*
2. *Гаврилов ЮА, Шевченко АГ. Динамика этнорелигиозной структуры населения РФ (по материалам переписи) // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 2 (11). – С.49.*
3. *Минаев И., Князев А. Власть занимается воспроизводством бедности // Мир новостей. – М., 2011. – № 35, 29 сентября.*
4. *Именины города Дмитрова // Московские епархиальные ведомости. – М., 2010 – № 11-12. – С. 49.*
5. *Каверин Н. Постмиссионерский декаданс // Благодатный огонь. – М., 2010. – № 20. – С. 47.*
6. *Православная беседа. – М., 2011. – № 4. – С. 25.*
7. *Журнал Московской Патриархии. – М., 2011. – № 9, сентябрь. – С. 66-69.*

Материал поступил в редакцию 20. 12. 2012 г.